

DOI 10.15826/qr.2017.2.233

УДК 821.161.1–141+94(470)"17"+342.36

ОДИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ «ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА» В РОССИИ XVIII В.*

**Татьяна Абрамзон,
Алексей Петров**

Магнитогорский государственный технический университет,
Магнитогорск, Россия

ODIC VERSIONS OF THE 'SOCIAL CONTRACT' IN 18TH-CENTURY RUSSIA

**Tatiana Abramzon,
Aleksey Petrov**

Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Russia

Social contract theory is one of the basic socio-political doctrines of the European and Russian Enlightenments. Various models of relationships between the authorities and society are reflected in the treatises of European and Russian enlighteners. However, the concept of the social contract is a constantly changing ideological construct, 'a tacit agreement' created, sought for, and pronounced in different cultural texts. The authors of the article mainly focus on the odic poetry of the 18th century, the sphere of Russian culture where the idea of a mutually beneficial agreement between a monarch and their subjects was most vividly, clearly, and comprehensively expressed. The article aims to identify the main stages in the history of development of the relationship between a monarch and their subjects as reflected in poetry.

The 'social contract' paradigm was mostly formed during the reign of Peter the Great, when the 'functions' of a sovereign and his subjects were determined: a monarch took care of the commonweal and his subjects obeyed and served him. Some poets of the Petrine epoch (Karion Istomin, I. V. Paus, V. K. Trediakovsky) endorsed ideas of enlightening the Russ, the monarch's duty to protect the faith and fatherland from foes, and subjects' faithful service to their monarch.

---

* Citation: Abramzon, T., Petrov, A. (2017). Odic Versions of the 'Social Contract' in 18th-century Russia. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 406–424. DOI 10.15826/qr.2017.2.233.

Цитирование: Abramzon T., Petrov, A. Odic Versions of the 'Social Contract' in 18th-century Russia // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. p. 406–424. DOI 10.15826/qr.2017.2.233 / Абрамзон Т., Петров А. Одические версии «общественного договора» в России XVIII в. // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 406–424. DOI 10.15826/qr.2017.2.233.

After Peter the Great's death, the situation changed. The figure of the empress as an ideal ruler and an enlightened monarch who did everything possible to attain the 'bliss' of the Russ came to the fore in odes and verse inscriptions for fireworks and illuminations. The emotional motives of the 'social contract' were also modified: love was declared the driving force of the monarch and her subjects. Subjects should be willing to sacrifice themselves for the empress's kindness and generosity. The paternal-filial model of the relationship between the authorities and citizens did not change into a maternal-filial one during Elizabeth's reign. The names used to refer to the empress's in odes names remained 'Peter's blood' and 'Peter's daughter'. In the literary culture of the 1770s–1990s, subjects' bliss was declared a necessary condition of the ruler's bliss. That it was impossible to criticise the monarch provoked criticism from the nobles, who were unfamiliar with the common people's needs and aspirations. By the end of the century, the genre of the solemn ode was in decline: it only returned to popularity during Paul I's and Alexander I's accessions to the throne. The beginning of the 1800s can be considered a borderline, after which illusions about the possibility of an 'amicable agreement' between a monarch and their subjects were destroyed.

Keywords: social contract; Enlightenment; 18th-century poetry; ode; autocracy.

Теория общественного договора является одним из базовых социально-политических учений эпохи Просвещения в Европе и в России. Различные модели взаимоотношений власти и общества суть постоянно меняющийся идейный конструкт, негласное соглашение, создаваемое и проговариваемое в различных текстах культуры. Основное внимание в статье уделяется одической поэзии XVIII в., то есть той области литературной и политической культуры, где идеи взаимовыгодного соглашения сторон – монарха и подданных – получили образное общедоступное воплощение. Задача – выявить основные этапы и художественную специфику взаимоотношений между монархом и подданными, образно представленные в одической поэзии. Парадигма «общественного договора» в основных чертах сложилась уже в петровское время, когда были определены «должности» государя и подданных: монарх радует о добре общем, а подданные повинуются и служат. Поэты Петровской эпохи (Карион Истомина, И. В. Паус, В. К. Третьяковский) утверждают идеи просвещения «россов», вменяя в обязанности монарха защищать веру и отечество от врагов и долг верной службы народа царю. После смерти Петра ситуация меняется. На первый план в одах и надписях к иллюминациям и фейерверкам выдвигается фигура императрицы, идеальной правительницы и просвещенной государыни, деятельность которой направлена на достижение «блаженства» россов. Изменяются и эмоциональные мотивы «договора»: любовь объявляется движущей силой действий и монархини, и подданных; «за доброты и щедроты» императрицы подданные готовы жертвовать собой. Отечески-сыновья модель отношений власти и граждан во время правления Елизаветы Петровны не превратилась в материнско-сыновнюю, и главными одическими «именами» императрицы остались «кровь

Петрова» и «дщерь Петрова». В литературе конца 1770-х – 1790-х гг. блаженство подданных объявляется необходимым условием блаженства правителя, а невозможность критики монарха инициирует критику вельмож, далеких от народных нужд и чаяний. К концу века торжественная ода становится нисходящим жанром, востребованным лишь в моменты восшествия на престол Павла I и Александра I. Начало 1800-х гг. можно считать условной границей, после которой в русском образованном обществе происходит крушение иллюзий в отношении «полюбовного соглашения» между монархом и подданными, что отразилось в литературных текстах.

Ключевые слова: общественный договор; Просвещение; поэзия XVIII в.; жанр оды; самодержавие.

Формирование теории «общественного договора» в Европе относится к XVII в., когда в картине мира просветители выдвигают на первый план Человека, а пределом его исканий и устремлений объявляют счастье – личное и общественное. При своем возникновении концепция общественного договора понималась как условный договор между подданными, в силу которого возникает государство, и власть выполняет свои функции. В современном понимании данная концепция предстает соглашением двух других сторон: власти, которая берет на себя заботу о гражданах, и самих граждан, радеющих о пользе государства и выполняющих свои «обязанности» [Волгин; Деборин; Момджян]. Однако при создании и развитии логически стройных теорий просветители столкнулись с целым рядом трудноразрешимых вопросов, к примеру: в какой момент происходит отказ от естественного права в пользу государства, на каких основаниях заключается это соглашение, возможно ли расторжение подобного договора и др.

Ответы на эти вопросы предложили европейские просветители, в частности, Т. Гоббс, выступавший за авторитарную монархию, Дж. Локк, защищавший либеральную монархию, Ж.-Ж. Руссо, проповедовавший либеральный республиканизм [Atger; Gough]. Когда речь заходит о теории общественного договора в России, в первую очередь звучат имена А. Радищева с его революционной книгой, в которой он допускает идею «расторжения договора» между народом и монархом, если последний не выполняет взятых на себя обязательств, книгой, попавшей под официальный запрет и осужденной на сожжение, как и трактат Руссо «Рассуждение об общественном договоре»¹; князя М. Щербатова,

---

¹ Эта мысль, созвучная просветительским формулировкам Руссо, уже появляется в одном из первых литературных трудов Радищева. В переводе книги Мабли «Размышления о греческой истории» он высказывает мысли, критические по отношению к самодержавию: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние... Если мы живем под властью законов, то сие не для того, что мы оно делать должны неотменно, но для того, что мы находим в оном выгоды». Радищев также ставит вопрос об ответственности государя перед народом: «Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками» [Радищев, с. 282].

аристократа и рационалиста, «во всем противоположного Радищеву» [Лотман, с. 383], но также уверенного в необходимости «договора» между «избранными правителями» и уступившими им свою «естественную вольность» народами [Щербатов, с. 23]; Д. Фонвизина и Н. Панина, работавших над созданием проекта «фундаментальных прав, не применяемых на все времена никакой властью», для великого князя Павла Петровича, подававшего все надежды стать просвещенным государем. Труды вышеназванных авторов по праву попадают в фокус внимания ученых-гуманитариев, исследующих проблемное поле «общественного договора».

То, что теория общественного договора является политической основой российского Просвещения, факт общепризнанный и в доказательстве не нуждается. Однако общественный договор не есть реальный исторический документ или ряд документов. Его следует понимать как некий логический конструкт, негласное соглашение сторон, «постоянный процесс поиска и нахождения новых форм согласия между гражданами, в котором определяются границы и нормы общежития» [Доманов, с. 173]. Кроме того, в России, государстве, проходившем стадию не собственно Просвещения, но «мифологии Просвещения» [Живов; Приказчикова], концепция общественного договора разрабатывалась в таких жанрах словесности, которые получали более широкое распространение, нежели политически острые и логически строгие трактаты.

На наш взгляд, одним из важнейших литературных проводников общественной конвенции является главный поэтический жанр эпохи Просвещения – торжественная ода, к середине столетия воплотившая в себе парадный, идеальный вариант «общественного договора». Отметим, что «восторг» оды нисколько не умаляет значения и не отменяет важности самих идей «договора». В комплиментарной поэзии сформулирован желанный Абсолют взаимного согласия, недостижимый по сути, но не уступающий по силе и глубине логическим построениям в философских трудах. Именно жанр оды позволял расписать «роли» и слова правящего монарха, небесных заступников и народа. Одический текст во многом и представляет собой словесное поле «общественного договора», где стихотворец от имени народа (и себя лично) возлагает на монарха надежды (а по сути, обязанности) и от лица монарха заверяет подданных в своем неприменном желании им блага. Однако, как уже было сказано выше, общественный договор означает постоянный поиск новых оснований для соглашения, поэтому и парадигма «праздничного» его варианта также находится в непрерывном движении.

Обратимся к Петровской эпохе, времени формирования светской модели взаимоотношений власти и общества.

Долг монарха и верность подданных в законодательстве, публицистике и одах петровского времени

Несмотря на то, что концепция общественного договора предполагает взаимодействие двух сторон, в исследовательских работах чаще всего речь идет о философских трактатах или, как в нашем случае, об одических текстах, то есть слово, за редким исключением, предоставляется лишь одной стороне (подданным/гражданам), что, безусловно, обедняет понимание самого процесса поиска взаимного согласия власти и общества. Однако принципы их взаимоотношений декларировались и «сверху», в законах и манифестах Петра I, где царь объявлял о своей «должности» монарха. Законодательные документы, доступные широкой публике, создавали образ монарха, пекущегося о добре и о благе своего народа. Так, идея всеобщего блага пропагандируется в царском манифесте от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранных мастеров в Россию, с обещанием им свободного вероисповедания»:

Довольно известно во всех землях, которья Всевышний Нашему управлению подчинил, что со вступления Нашего на сей престол все старания и намерения Наши клонились к тому, как бы сим Государством управлять таким образом, чтобы все Наши подданные попечением Нашим о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние; на сей конец Мы весьма старались сохранить внутреннее спокойствие, защитить Государство от внешнего нападения и всячески улучшить и распространить торговлю. Для сей же цели Мы побуждены были в самом правлении учинить некоторыя нужныя и ко благу земли Нашей служащия перемены, дабы Наши подданные могли тем более и удобнее научиться по ныне им неизвестным познаниям... [ПСЗРИ, т. 4, с. 192–193].

Перед нами образец просветительской речи – программы действий просвещенного государя. Идея «власти от Бога», заявляемая в начале манифеста, уступает место тем понятиям, которые сохраняют свою актуальность на протяжении всего XVIII в. («всеобщее благо», «благополучнейшее состояние» подданных, «внутреннее спокойствие», защита границ и торговля). Это та часть «общественного договора», декларируемая монархом, которая редко встречается в правовых документах петровского и последующих времен, в отличие от прописанных в них «должностей» подданных, которые «всякими мерами искали» бы «Великому Государю прибыли со всяким радением безо всякой лености» [Там же, т. 4, с. 236].

В речи, произнесенной Петром во время празднования в честь заключения Ништадтского мира в 1721 г., также говорится «о пользе и прибытке общем, который нам Бог перед очьми кладет как внутрь, так и вне, отчего облегчен будет народ» (цит. по: [Шубинский, с. 48]).

Но не только в царских указах и манифестах присутствуют идеи о «должности» монаршей и об условиях «договора». Так, 17 апреля 1722 г. Сенат издал указ «О крепком хранении законов, о вершении дел по Уставам и Регламентам». Как показал В. М. Живов, правовые отношения того времени были «культурной фикцией», не связанной непосредственно с юридической практикой, почему и потребовался закон о соблюдении законов [Живов, с. 256]. Для нас важно то, что в «законе о законах» заключены и идеи общего блага, обещанного властью.

В первой трети XVIII в. система взаимоотношений монарха (власти) и народа наиболее ярко была отражена в словах и проповедях идеолога петровских преобразований Феофана Прокоповича. Соответствующие его произведения («Правда воли монаршей», «Слово о власти и чести царской» и др.) хорошо изучены [Буранок, с. 161–294; Винтер; Cracraft; Stupperich; Tetzner]. Напомним здесь, что «российский Златоуст» апеллирует к чувствам подданных – *совести, любви* (сыновей к Отцу) и *страху* (гнева Властителя и Бога), на которых и зиждется авторитет власти. Что касается «должностей» монарха, то они, по Прокоповичу, прописаны в Библии и сводятся к заботе о «добре общем народа» и к нахождению «доброего» наследника. В целом библейская модель «власти от Бога» и безграничного послушания дополняется в публицистике и юридических документах петровского времени обоснованием ее с точки зрения логики, пользы и народных «чувствований».

В «государственной» поэзии конца XVII – начала XVIII в. идея «общественного договора» отразилась косвенно и весьма своеобразно. Полагаем, что окказиональный ее (поэзии) характер, приуроченность поэтических текстов к вполне конкретным «случаям» (как правило, праздникам – религиозным, государственным, частно-семейным), да и крайне небольшое количество самих стихотворцев – все это определило весьма узкий репертуар тем, востребованных в рассматриваемую эпоху. Мы можем назвать всего лишь трех поэтов этого времени, которые по роду своей деятельности могли бы порассуждать в стихах об отношениях власти и «граждан». Это Феофан Прокопович, Карион Истомина и Иоганн Вернер Паус (Paus) (примечательно, что о знакомстве их друг с другом достоверных сведений нет, а следовательно, нельзя говорить и о какой-либо устойчивой и непрерывной литературно-поэтической традиции осмысления «властно-договорной» темы в петровское царствование).

Казалось бы, именно Феофан Прокопович, подробно разрабатывавший в своей ораторской прозе властную проблематику, должен был уделить ей место и в стихах. Однако основная лирическая «продукция» была создана им уже после смерти Петра I, а при жизни Отца Отечества поэт откликнулся лишь на Полтавскую битву («Епиникион...», 1709) и на сражение русских и турецких войск на реке Прут («За Могилою Рябою», 1711). Как отмечает современный исследователь творчества Феофана Прокоповича О. М. Буранок, в «Епиникионе...» присутствуют мотивы «любви к отечеству и государю», «преданности» и «рев-

ности» (то есть ревностного исполнения воинского долга) [Буранок, с. 316–317]. В целом это своеобразный батальный панегирик, предтеча эпической поэмы и торжественной оды, в котором тема «договора» оказалась не востребована. Еще менее она вписывалась в военную песню о поражении русских войск в 1711 г. В позднейших стихах Феофана Прокоповича 1727–1736 гг., написанных на разные случаи придворной жизни, также на нашлось места идеям «общественного договора».

Поэт старшего поколения, один из первых русских силлабиков Карион Истомин посвятил русским монархам, тогда еще московским царям Иоанну и Петру Алексеевичам, а также царицам, царевнам и наследнику престола Алексею Петровичу немало торжественных стихов в период с 1682 по 1700 г. Идеология этих придворных панегириков подробно исследована их публикатором А. П. Богдановым; сам он предпочитает использовать жанровое определение «ода» [Богданов, с. 379–380]. Для нашей темы важно следующее: в барочных придворных одах с 1676 г. (начало правления Федора Алексеевича) и до 1700-х гг. закрепляется и прославляется идея Российского православного самодержавного царства, являющегося «зародышем земного Царства Божия, которое будет построено, когда Россия просветит своим светом весь мир»; Москва воспринимается как центр «не только православного мира, но всей Вселенной»; утверждается, что «без развития национальной науки Россия не сможет иметь эффективную экономику и торговлю», разумно управлять подданными, сохранять правую веру и т. д. [Там же, с. 374–377]. Во властном поведении и нравственном облике русского царя Карион Истомин во всех своих одах подчеркивает *благочестие* и «в мудрость охоту», не уставая повторять, что главная задача власти – «вкоренять» в России *мудрость*, вводить «учительны вещи», *просвещать* «россов»:

Мудростию бо	все цари царствуют.
И вси велможи	добре началствуют.
Мудростию же	вся управляются,
И о том люди	все утешаются. <...>
Тем же, о царю	Петре князь великий,
В разуме острый	юноше толикий.
На престол российскийск	помазанный Богом
В любви велицей	всенародным слогом,
Потщися ради	всемогуща Бога,
У него же есть	премудрости многа.
О учении	промысл сотворити,
Мудрость в России	святу вкоренити.
Да учатся той	юны отрочата
И навикают	зело дела свята

(«Приветство царю Петру...», 1682)

(цит. по: [Там же, с. 387–390]).

В «Оде царю Петру к дню ангела с просьбой о заведении науки в России» (1690) Карион Истомина вновь напоминает царю, что Бог прославит его «на земли и в небе», если он утвердит в государстве «мудростну науку / Да прострет хотяй всяк к ней свою руку» (цит. по: [Там же, с. 512]). В «Похвальной орации царю Петру...» (1695) в форме похвал монарху, в сущности, говорится о его обязанностях: он должен хранить «веру христианску», способствовать «славе гражданской», защищать страну от врагов («проклятых турок»). В ответ же благочестивые «люди» (подданные) будут «верою крепить в службе своя груди» (цит. по: [Там же, с. 590]). Итак, тот «договор», который заключается между Богом, властью и народом в «Царстве Российском», состоит в том, что Бог хранит царя «в своей благодати, / Даде в гражданстве люди управляти» (цит. по: [Там же, с. 512]), что царь, умножая Божью славу, правит мудро, а народ в радости учится, просвещается и верно служит ему.

И. В. Паус, выходец из Саксонии, приезжает в Россию в 1702 г. и начинает писать стихи на русском языке в то же приблизительно время, около 1706 г., когда Карион Истомина свою поэтическую деятельность прекращает². Среди его стихотворений светской тематики есть несколько поздравительных одических текстов, адресованных Петру I, с которым Паус, бывший учителем царевича Алексея Петровича, был знаком лично. В этих косноязычных еще одах, в которых поэт поздравляет монарха с победой под Полтавой (1709), с сухопутными и морскими победами над шведами в 1714 г. и с праздником Нового года (между 1708 и 1713 г.), мы находим важную для нас и новую для русской поэзии формулу – «верные подданные». У Кариона Истомина «верными» были *люди, народ(ы), слуги, рабы* и чаще всего *цари*. Это последнее словоупотребление – *верные цари* – особенно примечательно: оно манифестирует благочестивость, правоверие и христолюбие московских царей, а также их зависимость от Божественной воли. Формула Пауса, являясь прямым продолжением формул барочных панегириков, акцентирует именно социальный и секулярный аспекты властных отношений, их «договорной» характер:

Царь Петр Великой! да буди долголетен,
Верным подданным же всегда благоприятен
(«На победу под Полтавою»)
(цит. по: [Перетц, с. 130 второй пагинации]).

В новогодней оде – жанровой форме, Кариону Истомину, по видимому, не известной³, Паус декларирует идею общенационального праздничного единения:

² См. о нем и его творчестве: [Перетц; Петров, 2009, с. 30–33].

³ А. П. Богданов опубликовал одно новогоднее поздравление в прозе, адресованное Карионом Истоминным царевичу Алексею Петровичу и царевне Нагалии Алексеевне от имени патриарха Адриана, и, конечно, это поздравление приурочено не к 1 января, а к 1 сентября 1700 г.

Великий Монарх, Оуста твоих избранных,
 И сердца без числа верных твоих подданных,
 Сегодня Господу молятся радосны,
 Монархским о твоём благополучии
 (цит. по: [Перетц, с. 132 второй пагинации]).

В следующей строфе автор репрезентирует себя как одного из «верных подданных», вместе со всеми возносящего новогодние молитвы, и желает получить от «Его царского величества» ответный дар – частичку света и тепла («И в ясности твоей хочу огреться»).

И наконец, в победной оде 1714 г. Паус развивает актуальный политический миф Петровской эпохи – миф о монархе-труженике, выполняющем свой долг. Петр один выносит все тяготы войны, сам «учится» и «учит», благодаря его личному мужеству русские войска одерживают победы и т. д.:

Сам неприятель же ево и похваляет,
 что государь един вся терпит тяготы.
 <...>
 В болших потребах он сам наперед явится,
 ни самоутодия, ни на покой смотря.
 Но видит вся перод, потом и поучится,
 учит, командует, велит и правит вся
 (цит. по: [Перетц, с. 145 второй пагинации]).

В рамках лирической поэзии была дана и общая оценка исторического значения Петровских реформ, причем именно с просветительской точки зрения. Имеем в виду наиболее раннее из дошедших до нас стихотворений В. К. Третьяковского – «Елегию о смерти Петра Великого» (1725). Как подчеркивает И. З. Серман, «сравнение «Елегии» со «Словами» Феофана Прокоповича о смерти Петра показывает полную общность мыслей и чувств ближайшего сподвижника царя и безвестного студента Славяно-греко-латинской академии» [Серман, с. 207–208]. Эта общность связана с идеей развития просвещения в России и, что особенно важно для нас, с пониманием прогрессивности законодательной деятельности Петра I. В «Елегии» эту мысль выражает аллегорический персонаж Политика, утверждающая, что Петр «пременил» и «укрепил нравы».

В послепетровскую эпоху концепция общественного договора перемещается в иные жанровые контексты, получает иную эмоциональную окраску, иные содержательные нюансы.

Одическая поэзия 1740–1770-х гг.: от «гнева» и «страха» к полюбовному соглашению

В культуре России 1740-х гг. изящная словесность заняла вполне определенное место: торжественные оды вошли в придворный ритуал, стали неотъемлемой частью праздничных мероприятий, знаком признательности монарху [Абрамзон, 2006; Абрамзон, 2010, с. 132–142; Приказчикова; Уортман]. Одическое слово позволяло непосредственно обращаться к монарху/монархине, выражать верно-подданнические чувства, одновременно формулируя чаяния нации и определяя горизонт общественных ожиданий [Зайцева, Петров]. Ломоносовские и сумароковские оды, разные по духу и стилю, образуют единое поле комплиментарного дискурса, который и проводил в культуру России представление о конвенциональных отношениях правителя и народа. И здесь вновь следует отметить, что поиск оснований для взаимного согласия был двусторонним и непрерывным.

При восшествии на престол Елизавета Петровна в манифестах и указах 1741–1742 гг. последовательно обосновывает свои претензии на российскую корону кровным родством с Петром Великим («яко по крови ближняя»), завещанием Екатерины I, Божественным милосердием («дар Царя Царствующих»), восстановлением «общаго внутренняго покоя и благополучия, и Богу приятнаго между народом согласия и любви», наконец, желанием подданных видеть ее на троне: «...по их всеподданнейшему Наших верных единогласному прошению, тот Наш Отеческий Всероссийский Престол Всемилостивейше воспринять соизволили...» [ПСЗРИ, т. 11, с. 537–538, 557, 568; Петров, 2011].

Следуя прежде всего за текстом манифеста 25 ноября 1741 г., одописцы будут повторять и тиражировать топос «Елизавета – наследница дел Петра», творца общественного блага, идеального государя и божества. Отсюда главное условие «общественного договора» в торжественных одах елизаветинского времени – следование курсу Петра Великого. И манифест Елизаветы Петровны, и ожидания подданных во многом определили тот факт, что самым распространенным одическим именем Елизаветы стало «Петрова дочь» [Ломоносов, с. 82, 96, 102, 139, 142, 143, 144, 395, 395, 503, 503, 637, 656, 742, 744, 750, 774, 789]. Ломоносовское предпочтение, казалось бы, имеющее отношение только к поэтике и стилю оды, внесло коррективы и в представление об отношениях монархини и подданных как материнско-сыновних: именовать «дочь Петрову» одновременно «матерью Отечества» было неловко, поэтому мотив материнской заботы о россиянах в одической версии елизаветинского договора должного развития не получает.

Однако в торжественных одах Екатерине II этот мотив будет вновь востребован: поднесение ей депутатами, участвовавшими в обсуждении проекта нового Уложения (1767), титулов *Великая, Премудрая*

и *Мать Отечества* и в еще большей степени отказ императрицы принять их спровоцировали поток похвал в ее адрес. Политический маневр государыни задал новую тенденцию в осмыслении и разработке смысла этих «титолов-определений». Среди ранних опытов Державина есть показательная надпись «На поднесение депутатами Ея Величеству титла Екатерины Великой», где о Петре говорится, что

...Не тем он стал велик, умел что побеждать;
 Но что блаженство знал подвластным созидать.
 Монархиня! И ты в следы его ступаешь;
 Зовись великою: он начал, ты кончаешь
 [Державин, т. 3, с. 188].

Русские поэты были нацелены на поиск общественного «блаженства» и условий его достижения [Рудакова]. *Благо* и *блаженство* вплоть до конца века остаются словами, «заряженными» религиозными смыслами. Показательны здесь статьи в «Словаре Академии российской». Все примеры к словам «благо», «благий», «благая» взяты из Библии: «Да уклонится от зла и да сотворит благо» (I Петр. 3 : 2); «Благо есть уповати на Господа» (Пс. 68) и др. [Словарь академии российской, т. 1, с. 212–215]. Единственным примером светской словесности являются ломоносовские строки о Петре, который даровал России «блаженство». Светским дублетом «блаженства» отчасти выступает слово «счастье» («щастие»). В иллюстрациях к нему нет ни одной библейской цитаты, а само «счастье» связано с личным благополучием человека: «Он худое имеет в игре щастие. <...> Принимать участие в щастии друзей. <...> Щастие его начинает колебаться» [Словарь Академии российской, т. 6, с. 940–942].

Между «блаженством» и «счастьем» устанавливаются иерархические семантические отношения. Блаженство – это высшая степень счастья, блаженство претендует на то, чтобы быть вечным, тогда как счастье связано с земным миром и потому непрочно и преходяще. Рифма «блаженство – совершенство» прочно вошла в русскую поэзию, образовав смысловое единство. «Совершенство» связано с монархиней, а «блаженство», созидаемое ею, с обществом. Избранничество монархини состоит в том, чтобы поставить «суд правдивый», стереть «сердца кичливы», «злость казнить» и «заслугам мзду дарить» (ода Ломоносова 1742 г.). Собственно, в словах Всевышнего в ломоносовской оде отражены основные положения общественно-го договора со стороны власти: справедливые суд и законы – главная добродетель монарха. Ломоносов говорит также и о второй стороне соглашения – о подданных, готовых отдать жизнь за государыню:

Всяк кровь свою пролить готов
 За многие твои доброты
 И к подданным твоим щедроты
 [Ломоносов, с. 94].

Как видим, здесь отсутствует абсолютное повиновение, к которому призывал Феофан в «Правде воли монаршей». Несмотря на комплиментарность жанра, Ломоносов четко проговаривает новую идеальную модель отношений – добровольное согласие, символический обмен: императрица обладает добротами (достоинствами души, добродетелями) – подданные жертвуют собой во имя нее.

В одах неустанно поют «Её к Отечеству заслуги». Это комплимент, но такой, который подразумевает похвалу истинных заслуг Елизаветы перед подданными. Здесь и появляется новая формула взаимоотношений: счастье подданных есть счастье монарха («Я Россов счастьем услаждаюсь»).

В «Оде на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийский, 1746 года» день коронации объявлен «днем блаженным, днем, избранным / Для счастья полных стран!», «Что ради нашего блаженства / На верьх поставитъ совершенства / Входящий в небо Петр велел».

Отношения, которые устанавливают комплиментарные поэтические жанры, суть полюбовное соглашение власти и общества, взаимовыгодное и дарящее счастье/блаженство обеим сторонам:

Блажен такой народ, к которому *приянь*
Соделать может то, что сделать может казнь,
И *счастлив* будешь ты, когда тебя порода
Возвысит на престол для *счастия* народа,

– читаем в сумароковской «Эпистоле Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Павлу Петровичу в день Рождения Его 1761 года сентября 20 числа».

Приветствуя стихами возвращение Екатерины из Казани в Москву (1767), В. Майков прославляет счастливый союз монархини и подданных:

Тот счастлив, кто, как ты, народом обладает:
Ты милосердие являешь нам и суд.
Тобой возведены на верх мы совершенства,
Тобой мы счастливы, тобой вознесены;
Причина нашего ты самого блаженства,
Которым мы от всех сторон ограждены
[Майков].

В одических произведениях задана модель общего блага и особого «наслаждения» монарха, который, выполняя свой долг, обретая счастье в справедливом и милостивом правлении, достигает его в своей личной жизни.

Постскрипtum: о крушении просветительских иллюзий и особых случаях для одического «договора»

В 1780–1790-е гг., когда на закате екатерининского правления, уже не обещавшего ни нового Уложения, ни прогрессивных реформ, на первый план выходили не добродетели и достоинства «росской Минервы», но пороки и произвол стареющей императрицы, когда просветительская вера в идеального монарха, «источник» общего блага, долгие годы не находила поддержки в реальности – в это время «диалог» общества с властью переходит в критическое русло. Правда, основной критический посыл оказывается направлен не на фигуру императрицы (или монарха вообще), но на тех, кто находится рядом с тронem и также обладает властью, – на сибаритствующее дворянство. Если ранее в одическом «договоре» присутствовали две стороны – монарх и народ, то теперь между ними появляется «посредник» – наделенная властью аристократия. Именно на нее поэты конца века возлагают ответственность за то, что блаженство России достигнуто не вполне, а монарху вменяется еще одна «обязанность» – смотреть за действиями вельмож.

Ярким примером нового образца «договора», в котором присутствуют теперь уже три стороны – монарх, народ и вельможи, является стихотворение Г. Р. Державина «Вельможа» (1794), где поэт постулирует условия общего блага. «Должности» народа вполне традиционны: «блажен народ, который» верит в Бога, «хранит царев всегда закон», «чтит нравы, добродетель строго». Монаршая должность – быть главой государства, править единолично и самостоятельно, а не по наущению фаворитов:

Блажен народ! - где царь главой,
Вельможи - здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает,
Повелевает же сама

[Державин, т. 1, с. 622].

Очевидно, что имя императрицы Екатерины Великой здесь появиться не могло. Державин играет намеками, используя слова мужского и женского рода применительно к обобщенному образу правителя («царь», «глава»). Однако наибольшее внимание уделено вельможам, главные обязанности которых состоят в том, чтобы «пред тронem не сгибаться», «правду говорить», и главное – «блюсть народ, царя любить», «о благе общем их стараться». Острым поэтическим словом Державин целит в фаворитов и льстецов, находящихся у трона, оди-

ческие же песнопения почти исчезают из репертуара поэтов, а с ними и идеальный «общественный договор».

Количество од на рождение и тезоименитство монарха неуклонно сокращается, однако восшествие на престол и коронация продолжают сохранять важность в глазах подданных, и жанр оды, к концу столетия почти сошедший с литературной авансцены, вновь оказывается востребован именно для диалога с властью, для выражения надежд и верноподданнических чувств дворянства, для «перезаключения» общественного договора.

Так, Н. М. Карамзин приветствовал восшествие на престол Павла I «Одой на случай присяги московских жителей Его императорскому величеству Павлу Первому, самодержцу всероссийскому» (1796), с надеждой уповая «на счастье миллионов, / Полезных обществу законов» и обещая «любить российского царя» [Карамзин, с. 185]. Казалось бы, одические топосы и формулы уже стерлись от долгого употребления, однако монарх вновь объявлен «блаженством подданных блаженным» [Там же, с. 189], а россы, в свою очередь, обещают «идти стезею дел» его и усердно чтить царя.

Особого внимания в этой связи заслуживает восшествие на престол Александра I, вызвавшее настоящую волну одических «договоров». М. Н. Лонгинов насчитал около 57 стихотворных панегириков, сочиненных по случаю восшествия на престол и коронации Александра I [Лонгинов, с. 288–289]. В его манифесте от 12 марта 1801 г. подданным вновь было обещано «блаженство» и мудрое правление вслед Екатерине II, «августейшей бабке»:

Мы, восприемля наследственно Императорский Всероссийский Престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом Нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабки Нашей, Государыни Императрицы Екатерины Великой, коея память Нам и всему Отечеству вечно пребудет любезна, да по Ее премудрым намерениям шествуя, достигнем вознести Россию на верх славы и доставить ненарушимое блаженство всем верным подданным Нашим, которых через сие призываем запечатлеть верность их к Нам присягой перед лицом [ПСЗРИ, т. 26, с. 583–584].

Карамзин в оде «На торжественное коронование Его императорского величества Александра I, самодержца всероссийского» декларирует, и вновь с искренней надеждой, что «монарх и подданный его / В душе желают одного!» [Карамзин, с. 265]. Другие одические поэты Карамзина поддерживают:

Екатерина воскресится
Знать Александра в временах:
Так, так! Она во Внуке будет
Над нами царствовать вовек.

<...>

Блаженством напоятся селы,
 Богатством – городов берега...
 [Державин, ч. 2, с. 357].

Теперь под сению оливы
 Мы будем славны и щастливы!
 [Поспелова, с. 8].

Тогда предрек нам день сей, мнится,
 Что свет тобой распространится
 Во всей Империи твоей
 [Херасков, стб. 289].

В этом же 1801 г. Ан. И. Тургенев в речи «О поэзии и о злоупотреблениях оною» (1801), подготовленной для выступления в Дружеском литературном обществе, гневно обрушился и на комплиментарные жанры, и на их сочинителей:

Херасковы! Державины! Вы хотите прославлять его [Александра I], вы говорите в слабых стихах то, что давно миллионы сердец красноречивее вас выразили немым восхищением, но вы то же говорите о тиранах, вы показали те же восторги! Мы вам не верим!⁴ Молчите и не посрамляйте себя своими похвалами. Нет! Его достоин прославлять только тот, кому добродетель священна и в венце, и в рубище, кто приносит жертву свою не венценосцу в порфире, мощному обладателю миллионов, владыке полсвета, в чьих руках наказания и награды, но человеку, получившему от небес святое право благотворить миллионам – человеку, который в этом одном видит различие между им и его собратьями. С преданностью признательного народа, с повествованием истории соединим глас восхищенного песнопевца: он передаст векам и потомству имя богоподобного, и слава Его, слиясь с славою героя, новым блеском озарит священную память их [Тургенев, с. 174–175].

Деятнадцатилетний юноша-поэт бросает резкие упреки в адрес старшего поколения стихотворцев, воспевавших, якобы не делая различий, что «тиранов», что «отцов Отечества». В то же время он признает: именно поэты обладают голосом, выражают «немое восхищение» народа и пытаются заключить желанный «общественный договор». Более того, сам Ан. Тургенев пользуется одическими топами и формулами, выработанными в похвальных жанрах упрекаемых им в сервильизме поэтов («в венце и рубище», «обладатель миллионов», «владыка полсвета», «имя богоподобного» и др.), и возлагает

⁴ Согласно преданию, Александр I, получив приветственную оду «На восшествие на престол...» Державина, также не поверил в искренность поэта и резко сказал: «Пусть он вспомнит, что писал при восшествии на престол моего отца».

на юного Александра I надежды, повторяя те самые ожидания, которыми было исполнено и старшее поколение при восшествии на престол Елизаветы Петровны, Екатерины II и Павла I.

Уже через год после восшествия на престол Александра I подданные разочаруются в «белокуром» монархе, а просветительские мечты канут в Лету. Карамзин же напишет «Гимн глупцам» (1802), в котором с грустью признает, что «блажен не тот, кто всех умнее», но «счастливый глупец», ведь для него «здесь всегда Астрея, / И век золотой не проходил». Расцвет эры «общественного договора» в одической поэзии подойдет к концу.

* * *

Парадигма «общественного договора» в России во многом наследует европейским теориям, ее основные концепты – общественного блага, естественного права, взаимного долга монарха и подданных – сохраняют свою актуальность на протяжении всего XVIII в. Однако каждая эпоха формулирует свой вариант конвенции, причем на ее формирование влияют не только социально-политические обстоятельства, но и поэтологические факторы, не связанные напрямую с идеологией. В Петровскую эпоху отношения великого императора и российского народа мыслятся союзом добровольным, но подконтрольным «страху и совести», апеллирующим к верности; в елизаветинское двадцатилетие и в первой половине екатерининского правления царит согласие, основанное на взаимной любви монархини и народа. В конце века Просвещения парадный вариант «общественного договора», столетия хранимый верой в идеального монарха и доверием к правящим российским особам, обретает актуальность лишь в момент смены императора – в дни восшествия на престол Павла I и Александра I.

Список литературы

Абрамзон Т. Е. «Письмо о пользе Стекла» М. В. Ломоносова : Опыт комментария просветительской энциклопедии : репринт. изд. 1752 [1753] г. к 300-летию М. В. Ломоносова. М. : ОГИ, 2010. 192 с.

Абрамзон Т. Е. Поэтические мифологии XVIII века : (Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин). Магнитогорск : МаГУ, 2006. 480 с.

Богданов А. П. Стих торжества : рождение русской оды, последняя четверть XVII – начало XVIII века : [в 2 ч.]. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2012. 676 с.

Буранок О. М. Русская литература XVIII века : Петровская эпоха. Феофан Прокопович : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2005. 464 с.

Винтер Е. Феофан Прокопович и начало русского просвещения // XVIII век. Вып. 7. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 43–46.

Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 202 с.

Деборин А. М. Социально-политические учения нового и новейшего времени : в 3 т. М. : Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 628 с.

Державин Г. Р. Сочинения Державина: в 9 т. / объясн., прим. [и предисл.] Я. Грота. СПб. : Изд-во Императ. акад. наук : в тип. Императ. акад. наук, 1864–1883. Т. 1. 872 с. Т. 2. 752 с. Т. 3. 808 с.

Доманов В. Г. Политология : словарь. М. : Изд-во РГУ, 2010. 375 с.

Живов В. М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М. : Языки славян. культуры, 2002. С. 187–306.

Зайцева Т. Б., Петров А. В. Гендерная и мифополитическая символика образа императрицы в одописи XVIII века // Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 4 (6). С. 193–194.

Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. Л. : Совет. писатель, 1966. 419 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 10 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. 8. 1280 с.

Лонгинов М. Н. Ода Александру I на вступление царствовать // Библиографические записки. 1858. Т. 1. С. 288–289.

Лотман Ю. М. Семіосфера. СПб. : Искусство-СПб., 2004. С. 371–385.

Майков В. Стихи на возвратное прибытие Ее Величества из Казани в престольный град Москву июня 14 дня 1767 года // Майков В. Сочинения. СПб. : Печатано при I кадет. корпусе, 1809. С. 254–257.

Момдзян Х. Н. Французское Просвещение XVIII века : очерки. М. : Мысль, 1983. 447 с.

Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы : в 3 т. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1900–1902. Т. 3. Из истории развития русской поэзии XVIII в. 633 с.

Петров А. В. Мифополитические формулы в манифестах и одах 1741–1742 гг. («мифология власти» в политической и литературной культурах в России XVIII века) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1. С. 152–161.

Петров А. В. Новогодняя поэзия в России : от Третьяковского до Бенедиктова : монография. Магнитогорск : МаГУ, 2009. 267 с.

ПСЗРИ. СПб. : Печатано в тип. II отд. собственной Его Императ. Величества канцелярии, 1830. Т. 4. 892 с.; Т. 11. 991 с.; Т. 26. 882 с.

Поспелова М. Ода на всерадостный день коронавания Его Императорского Величества, Государя Императора Александра Павловича. М. : [Б. и.], 1801. 9 с.

Приказчикова Е. Е. Культурные мифы в русской литературе XVIII – начала XIX века Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2009. 526 с.

Радищев А. Н. Полное собрание сочинений : в 3 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 429 с.

Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Изв. Урал. фелдерал. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. Т. 108. № 4. С. 103–114.

Серман И. З. Третьяковский и просветительство (1730-е годы) // XVIII век. Сб. 5. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 205–222.

Словарь Академии российской : в 6 т. СПб. : при Императ. Акад. наук, 1789–1794. Т. 1. 636 с. Т. 6. 600 с.

Тургенев Ан. Речи Андрея Тургенева / публ. Китидзиро Ямада. 1992. Acta Slavica Iaponica. № 10. P. 167–181. URL: <http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/8047/1/KJ00000034000.pdf> (дата обращения: 28.04.2017).

Уортман Р. С. Сценарии власти : Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М. : ОГИ, 2002. 597 с.

Херасков М. М. Ода Государю Александру Павловичу Самодержцу всероссийскому на всерадостное Его на престол вступление // Библиогр. зап. 1858. № 9. Стб. 288–289.

Шубинский С. Н. Празднование Ништадтского мира в Петербурге : 22 октября 1721 // Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. 6-е изд. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1911. С. 43–51.

Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М. : Соцэкгиз, 1935. 213 с.

Atger F. Essai sur l'histoire des doctrines du contrat social. Paris : [S. n.], 1906. 100 p.

Cracraft J. Feofan Prokopovich // The Eighteenth Century in Russia / ed. by L. G. Garrard. Oxford : [S. n.], 1973. P. 75–105.

Gough J. W. The social contract : A critical study of its development. Oxford : [S. n.], 1936.

Stupperich R. Feofan Procopovic in der neueren Literatur // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag / Hrsg. P. Brang, H. Brauer. Heidelberg : [S. n.], 1967. S. 284–293.

Tetzner J. Theophan Prokopovic und die russische Frühaufklärung // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 3. 1958. S. 351–368.

References

Abramzon, T. E. (2010). “Pismo o polze Stekla” M. V. Lomonosova. *Opyit komentariya prosvetitel'skoy entsiklopedii*. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1752 [1753] goda: k 300-letiyu M. V. Lomonosova [A Letter about the Usefulness of Glass by M. V. Lomonosov. The Experience of Commenting an Enlightening Encyclopaedia. Reprint of the Original Copy of 1752 [1753]: Dedicated to M. V. Lomonosov's 300th Birthday]. 192 p. Moscow, OGI.

Abramzon, T. E. (2006). *Poeticheskie mifologii XVIII veka (Lomonosov. Sumarokov. Heraskov. Derzhavin)* [Poetic Mythologies of the 18th Century (Lomonosov. Sumarokov. Kheraskov. Derzhavin)]. 480 p. Magnitogorsk, MaSU.

Atger, F. (1906). *Essai sur l'histoire des doctrines du contrat social*. 100 p. Paris.

Bogdanov, A. P. (2012). *Stih torzhestva : rozhdenie russkoj ody, poslednjaja chetvert' XVII – nachalo XVIII veka : [v 2 ch.]* [A Poem of Celebration : The Birth of the Russian Ode, the Last Quarter of the 17th – Early 18th Centuries, 2 Vols.]. 676 p. Moscow, Inst. of Russian History Russian Academy of Sciences.

Buranok, O. M. (2005). *Russkaja literatura XVIII veka. Petrovskaja jepoha. Feofan Prokopovich : ucheb. posobie* [Russian Literature of the 18th Century. The Reign of Peter the Great. Theophan Prokopovich : Teaching Aid]. 464 p. Moscow, Flinta, Science.

Cracraft, J. (1973). Feofan Prokopovich. In Garrard, L. G. (Ed.) *The Eighteenth Century in Russia*. Oxford, Oxford University Press, pp. 75–105.

Deborin, A. M. (1958). *Sotsialno-politicheskie ucheniya novogo i novejshego vremeni*. V 3-h t. [Socio-political Doctrines of the New and Newest Times. 3 Vols.]. Vol. 1. 628 p. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR.

Derzhavin, G. R. (1864–1883). *Sochineniya Derzhavina: v 9 t. / s ob'yasn. primech. [i predisl.]* Ya. Grot [Works of Derzhavin: 9 Vols. / with Explanations and Comments [and a Preface] by J. Grot.]. Vol. 1. 872 p. Vol. 2. Vol. 3. 808p. St Petersburg, Izdatel'stvo Imperat. akad. Nauk, v tip. Imperat. akad. nauk.

Domanov, V. G. (2010). *Politologiya. Slovar* [Political Science. A Dictionary]. 375 p. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi universitet.

Gough, J. W. (1936). *The Social Contract. A Critical Study of Its Development*. 172 p. Oxford, Oxford Univ. Press.

Heraskov, M. M. (1858). Oda Gosudaryu Aleksandru Pavlovichu Samoderzhitsu vserossiyskomu na vseradostnoe Ego na prestol vstuplenie [An Ode to Monarch Alexander Pavlovich All-Russian Sovereign for His Joyful Accession to the Throne]. In *Bibliograficheskie zapiski*. Iss. 9, pp. 288–289.

Karamzin, N. M. (1966). *Polnoye sobraniye stihotvorenij* [Complete Poems]. 419 p. Leningrad, Sovetskii pisatel'.

Lomonosov, M. V. (1959). *Polnoye sobraniye sochinenij v 10 t.* [Complete Works, 10 vols.]. Vol. VIII. 1280 p. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Longinov, M. N. (1858). Oda Aleksandru I na vstuplenie tsarstvovat [An Ode to Alexander I for His Accession to the Throne]. In *Bibliograficheskie zapiski* Vol. 1, pp. 288–289.

Lotman, Yu. M. (2004). O roli tipologicheskikh simvolov v istorii kultury [On the Role of Typological Symbols in the History of Culture]. In Lotman J. M. *Semiosphere*. St Petersburg, Iskustvo – SPB, pp. 371–385.

Maykov, V. (1809). Stih na vozvratnoe pribytie Ee Velichestva iz Kazani v prestolnyy grad Moskvu iyunya 14 dnya 1767 goda [Verses for Her Majesty's Coming Back from Kazan to the Capital City of Moscow on the 14th of June in 1767]. In Maykov V. *Works*. St Petersburg, Pechatano pri I kadet. korpuse, 1809, pp. 254–257.

Momdzhyan, H. N. (1983). *Frantsuzskoe Prosveshchenie XVIII veka; Ocherki*. [The 18th Century French Enlightenment; Sketches]. 447 p. Moscow, Myisl.

Perets, V. N. (1902). *Istoriko-literaturnye issledovaniya i materialy. Tom III. Iz istorii razvitiya russkoj poezii XVIII v.* [Historical and Literary Research and Materials. Vol. III.

From the History of Development of 18th Century Russian Poetry]. 633 p. St Petersburg, Tipografija F. Vajsberga i P. Gershunina.

Petrov, A. V. (2011). Mifopoliticheskie formuly v manifestah i odah 1741–1742 gg. (“mifologija vlasti” v politicheskoy i literaturnoy kul’turah v Rossii XVIII veka) [Mythical and Political Formulae in Manifestos and Odes in 1741–1742 (“Mythology of Power” in Political and Literary Cultures in 18th Century Russia)]. In *Problemy istorii, filologii, kul’tury*. Vol. 1, pp. 152–161.

Petrov, A. V. (2009). *Novogodnjaja poezija v Rossii : ot Trediakovskogo do Benediktova Monografija* [New Year Poetry in Russia: From Trediakovsky to Benediktov. A Monograph]. 267 p. Magnitogorsk, MaSU.

PSZRI (1830). [A Complete Set of Laws of the Russian Empire]. Vol. 4. 892 p.; Vol. 11. 991 p.; Vol. 26. 882 p. St Petersburg, pechatano v Tipografii II otdeleniya sobstvenno ego Imperatorskogo Velichestva.

Pospelova, M. (1801). *Oda na vseradostnyiy den koronovaniya Ego Imperatorskogo Velichestva, Gosudarya Imperatora Aleksandra Pavlovicha* [An Ode for a Joyful Day of Crowning His Royal Majesty, Monarch Emperor Alexander Pavlovich]. 9 p. Moscow.

Prikazchikova, E. E. (2009). *Kulturnyye mify v russkoy literature XVIII – nachala XIX veka* [Cultural Myths in Russian Literature in the 18th – Early 19th Centuries]. 526 p. Yekaterinburg, Izdatelstvo Uralskogo Universiteta, 2009.

Radishchev, A. N. (1941). *Polnoe sobranie sochineniy v 3 t.* [Complete Works, 3 Vols.]. Vol. 2. 429 p. Moscow, Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR.

Rudakova, S. V. (2012). Filosofiya schastyia v lirike E. A. Boratynskogo [The Philosophy of Happiness in E. A. Boratynsky Lyrics]. In *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki*. 2012. Vol. 108, Iss. 4, pp. 103–114.

Shcherbatov, M. M. (1935). *Neizdannyye sochineniya* [Unpublished Works]. 213 p. Moscow, Sotcegiz.

Serman, I. Ž. (1962). Trediakovskij i prosvetitel’stvo (1730-e gody) [Trediakovsky and the Enlightenment (in the 1730s)]. In *XVIII vek*. Sbornik 5. Moscow, Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, pp. 205–222.

Shubinskiy, S. N. (1911). Prazdnovanie Nishtadtskogo mira v Peterburge. 22 oktyabrya 1721 [The Celebration of the Peace Treaty of Nystad in Petersburg on October 22, 1721]. In Shubinskiy S. N. (Ed.). *Istoricheskie ocherki i rasskazy*, 6-e izd. St Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina, pp. 43–51.

Slovar akademii rossiysskoy v 6 ch. (1789–1794). [The Dictionary of the Russian Academy, 6 parts]. Vol. 1. 636 p. Vol. 6. 600 p. St Petersburg, pri Imperatorskoy Akademii nauk.

Stupperich, R. (1967). Feofan Procopovic in der neueren Literatur. In Brang, P., Brauer, H. (Eds.) *Festschrift für Margarete Wolterzum 70. Geburtstag*, Heidelberg, pp. 284–293.

Tetzner, J. (1958). Thepphan Prokopovic und die russische Fruhaufklärung. In *Zeitschrift für Slavistik*. Bd. 3, pp. 351–368.

Turgenev, An. (1992). Rechi Andreyi Turgeneva [Speeches of Andrei Turgenev]. In Kitidziro Yamada (Ed.). *Acta Slavica Iaponica*, 10, pp. 167–181. URL: <http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/8047/1/KJ00000034000.pdf> (mode of access: 28.04.2017).

Wortman, R. S. (2002). Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarhii ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I. [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Death of Nicholas I]. 597 p. Moscow, OGI.

Vinter, E. (1966). Feofan Prokopovich i nachalo russkogo prosvescheniya [Feofan Prokopovich and the Beginning of Russian Enlightenment]. In *XVIII vek*. Vol. 7. Moscow, Nauka, pp. 43–46.

Volgin, V. P. (1958). *Razvitie obschestvennoy mysli vo Frantsii v XVIII v.* [The Development of Public Thought in France in the 18th Century]. 202 p. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR.

Zaytseva, T. B., Petrov A. V. (2015). Gendernaya i mifopoliticheskaya simbolika obraza imperatritsy v odopisi XVIII veka [Gender Mythical and Political Symbolism of the Empress’s Image in 18th Century Odes]. In *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya*. Iss. 4 (6), pp. 193–194.

Zhivov, V. M. (2002). Istoriya russkogo prava kak ligvosemioticheskaya problema [The History of the Russian Law as a Linguo-semiotic Issue]. In Zhivov V. M. *Razvyskaniya v oblasti istorii i predyistorii russkoy kultury*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury, pp. 187–306.